

Чистый батат

Adi Riel

Adi Riel

Чистый батат

«Автор»

2026

Riel A.

Чистый батат / А. Riel — «Автор», 2026

Пятьдесят тысяч человек согласились на одну процедуру: изъятие конкурентного импульса. Не агрессии — только убеждения, что чужой успех уменьшает твой. Тридцать лет они жили в латвийской резервации. Потом их рассеяли по миру — думая, что нейтрализуют. Соль не перестаёт быть солью, когда растворяется в воде. Она просто становится повсюду.

Adi Riel

Чистый батат

Чистый батат

Хроники Проекта «Тихий свет»

Часть первая. Изъятие

Доктор Аннели Сааринен помнила запах того утра — влажный сосновый воздух финского побережья, кофе в термосе, который она так и не допила. Помнила, как держала на руках сына — три месяца от роду, тёплый, пахнувший молоком, абсолютно доверчивый.

Процедура длилась четыре минуты.

Они называли её по-разному в разных странах. В протоколах ВОЗ фигурировало сухое «нейрохимическая модуляция конкурентного импульса». Журналисты писали «операция тишины». Сама Аннели, разработавшая треть базового алгоритма, в личных записях называла это просто — *изъятие*.

Не агрессии. Это важно.

Агрессия — слово неточное, годящееся для заголовков. Изымалось другое: острое, колющее ощущение, что твоё существование обретает смысл только через сравнение с чужим. Что чужой успех — это твоя потеря. Что мир — уравнение с нулевой суммой.

Ген конкуренции — тоже неточное слово. Скорее — *паттерн*. Нейронная привычка, записанная в структуру лимбической системы за сотни тысяч лет выживания в условиях дефицита. Дефицита давно не было. Привычка осталась.

Её сына звали Матиас.

Он стал первым добровольцем нового поколения.

Проект получил финансирование неожиданно легко — слишком легко, как потом скажут критики. Восемнадцать государств подписали соглашение о резервации в течение одного года. Латвия согласилась первой.

Это никого не удивило. Страна теряла население десятилетиями — целые волости Курземе и Латгалии пустели так тихо, что никто не замечал, пока не приезжал и не видел заросшие поля, заколоченные хутора, школы без детей. Пятьдесят тысяч человек, готовых приехать, обустроиться и работать — это было не экспериментом с точки зрения Риги. Это было спасением.

Территория охватывала часть Курземе с выходом к Балтийскому побережью и примыкающий угол Латгалии с её озёрным краем. Леса, холмы, янтарные пляжи на западе, тихие озёра на востоке. Брошенные хутора, которые предстояло поднять. Земля, которая помнила людей и ждала их обратно.

Пятьдесят тысяч человек.

Аннели понимала, почему элиты согласились так быстро. Им нужен был контейнер. Место, куда можно поместить идею и наблюдать за ней через стекло. Изолированный эксперимент. Управляемая утопия. Латвийское законодательство, европейский контроль, прозрачность — всё это делало проект удобным. Ограниченным. Безопасным.

Они не понимали — или не хотели понимать — что идеи не живут в контейнерах.

Часть вторая. Хутора

I. Как устроен был их мир

Первые годы ушли на восстановление.

Это был труд не героический — обыкновенный, ежедневный. Чинили крыши старых хуторов, расчищали заросшие поля, прокладывали дороги между деревнями. Латгальские озёра давали рыбу, курземская земля — рожь и картофель, балтийское побережье — янтарь и ветер. Жили скромно, но без нужды. Завозили то, что не могли вырастить сами — и постепенно завозили всё меньше.

Первые годы дались не всем одинаково.

Карлос приехал из Барселоны. Сорок два года, небольшой строительный бизнес, который он поднял с нуля за пятнадцать лет — каждый день сравнивая себя с конкурентами, каждый месяц считая, кто впереди, кто сзади. Это было его топливом. Он это знал и не стыдился.

Процедуру он прошёл в последний день перед отъездом. Ничего не почувствовал — небольшое головокружение, как после резкого вставания. Сел в поезд до Риги. Смотрел в окно.

На третий день в резервации он проснулся в пять утра — как всегда — и лежал, глядя в потолок. Обычно в это время голова уже работала: что сделать, кого обогнать, что успеть раньше других. Сейчас — тишина. Не успокоение. Именно тишина, как в комнате, где только что выключили шумевший годами холодильник. Холодильника нет. Но тишина непривычная, почти тревожная.

Он встал. Оделся. Вышел на улицу.

Сосед Эйнар уже топил печь в пекарне — огонёк в окне, запах дыма. Карлос зашёл. Они разговаривали до рассвета — не о делах, просто так. Карлос не помнил, когда последний раз разговаривал просто так.

Прошло около года, прежде чем он понял, чего хочет лично он — не в сравнении с кем-то, а сам по себе. Оказалось — строить. Не бизнес. Просто — строить руками. Он стал одним из лучших плотников резервации. Не потому что лучший. Просто потому что наконец делал то, что нравилось.

Аннели записала в дневнике в тот год:

«Карлос сегодня показал мне стол, который сделал. Дубовый, тяжёлый, с резьбой по краям. Я спросила, сколько времени ушло. Он сказал — не считал. Я поняла, что это и есть ответ».

Иначе переживала первый год Марта.

Они приехали вместе с мужем Томасом — оба биологи, познакомились в аспирантуре, двадцать лет вместе. Их отношения всегда строились на негласном соревновании — кто первый опубликует, кто получит грант, чья гипотеза окажется точнее. Они оба знали об этом и считали это здоровым. Держало в тонусе. Держало вместе.

После процедуры соревнование исчезло.

Первые недели они были вежливы друг с другом — непривычно вежливы, как мало знакомые люди в одном купе. Разговоры стали короче. Паузы — длиннее. Однажды вечером Марта поняла, что не знает, о чём говорить с мужем, если не о работе и не о том, кто прав.

Она пришла к Аннели. Сидела долго, молчала. Потом сказала:

— Я не знаю, кто мы друг для друга теперь.

Аннели не ответила сразу. Потом спросила:

— А до процедуры — знала?

Марта думала об этом несколько дней.

Потом они с Томасом начали ходить вечером на озеро — просто так, без разговоров. Смотрели на воду. Иногда говорили — о том, что видят, не о том, кто умнее. Это было странно и непривычно, и иногда неловко. Но через несколько месяцев Марта написала сестре письмо, в котором было одно предложение, которое Аннели потом попросила разрешения записать:

«Я наконец познакомилась с Томасом».

Посторонние, приезжавшие в резервацию впервые, как правило замолкали уже на въезде.

Не потому что там было что-то грандиозное. Никаких белых башен, никаких садов с фонтанами. Те же деревянные хутора с резными ставнями, те же огороды, те же велосипеды у порогов. Но было в этом пространстве что-то неуловимо иное — как тишина в комнате, где только что перестали спорить, только эта тишина длилась уже много лет и успела стать архитектурой.

Первое, что замечали гости — никто никуда не торопился.

Не в смысле медлительности. Люди работали, двигались, разговаривали. Но в их движениях не было этого характерного внешнего напряжения — ощущения, что ты опаздываешь, что кто-то уже впереди, что нужно успеть раньше. Велосипедист пропускал пешехода не потому что так написано в правилах, а потому что смотрел на него и видел — *человек идёт*.

Хозяйство резервации строилось просто: каждый делал то, что умел, и столько, сколько мог без ущерба для себя. Никаких норм выработки. Никаких премий за скорость. Пекарь Эйнар вставал в четыре утра не потому что конкурент откроется раньше, а потому что тесту нужно время, и он это уважал. Хлеб у него получался такой, что люди приходили не за хлебом — за разговором с Эйнаром. Он знал всех по именам. Знал, кто любит покислее, кто без тмина, у кого в этом месяце были трудности и кому стоит положить лишнюю булку просто так, не объясняя.

— Как ты помнишь всё это? — спросила его однажды Аннели.

— Как можно не помнить? — искренне удивился он.

Медицинский центр располагался в бывшем районном доме культуры в центре территории — большое кирпичное здание, которое отремонтировали одним из первых. Врачей не хватало — как везде, — но здесь это ощущалось иначе. Пациент не чувствовал, что отнимает чужое время. Врач не чувствовал, что пациент — задача в очереди из сорока таких же задач. Они садились друг напротив друга и разговаривали. По-настоящему. Терапевт Сигрид говорила, что половина жалоб разрешается в первые двадцать минут разговора — не потому что она такой хороший диагност, а потому что человек, которого слышат, начинает сам понимать, что с ним происходит.

Записи к специалистам существовали, но никто не ждал месяцами. Если у окулиста было занято, он сам перезванивал и говорил: «Я могу принять вас во вторник вечером, мне не трудно задержаться». Не потому что так положено. Просто — потому что человеку нужна помощь, а он умеет помочь.

Магазины работали странно по меркам внешнего мира: без ценников на треть товаров, которые распределялись по потребности — продукты, лекарства, детская одежда. За остальное платили, но цены устанавливались коллективно раз в квартал на открытых встречах в том же доме культуры. Никто не пытался заработать больше соседа. Заработать достаточно — и этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.